

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (7)

2014

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бултерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2014

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2014

© Журнал «Поволжская археология», 2014

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2014

© Mari State University, 2014

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Мельникова О.М.</i> Историографические размышления в связи с юбилеем В.Ф. Генинга	6
<i>Голдина Р.Д.</i> В.Ф. Генинг и проблемы изучения гляденовско-пьяноборского времени в Приуралье	26
<i>Черных Е.М.</i> О жилищах гляденовской культуры и некоторых аспектах адаптации древних пермян к природным условиям и особенностям хозяйственной деятельности (возвращаясь к исследованиям В.Ф. Генинга середины прошлого века)	46
<i>Журавлева Г.Н.</i> Предварительные итоги изучения Нырғындынского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга	69
<i>Лецинская Н.А.</i> «Жертвенные комплексы» пьяноборских могильников бассейна р. Вятки	92
<i>Останина Т.И.</i> Развитие взглядов В.Ф. Генинга и других исследователей на мазунинскую культуру	114
<i>Руденко К.А.</i> В.Ф. Генинг и вопросы археологии Волжской Булгарии	136
<i>Шутова Н.И.</i> Археолого-этнографические исследования в Удмуртии	149
<i>Овчинникова Б.Б.</i> Искер – Кучумово городище (археологические исследования 1968 года)	166
<i>Макаров Л.Д.</i> В.Ф. Генинг и русские памятники Вятского края	194
<i>Смагулов Е.А.</i> Бронзовый амулет из Сидака	206
<i>Владимиров Г.В.</i> Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII–XIV вв.): происхождение и ареал распространения	223
<i>Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Архангельский М.С., Павленко Ю.А., Шереметьев А.Г.</i> К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V	233

Археология и естественные науки

<i>Колода В.В., Чендев Ю.Г., Борбукова Д.А., Дудин Д.И.</i> Эволюция почв и природной среды на южном участке восточноевропейской лесостепи (на примере исследования городищ Харьковской области)	247
---	-----

Критика и библиография

- Богачев А.В.* Рец. на: Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.21. Ижевск, 2012. 472 с., илл.268
-

Хроника

- Ситдинов А.Г., Шакиров З.Г.* Научная деятельность Национального центра археологических исследований Института истории АН РТ в 2013 году275
- Хузин Ф.Ш., Ситдинов А.Г., Айдарова Г.Н., Забирова Ф.М., Нугманова Г.Г., Хабибуллин М.М.* Памяти С.С. Айдарова (1928–2014)284
- Казаков Е.П., Измайлов И.Л.* Равиль Габдрахманович Фахрутдинов (1937–2014)287
- Список сокращений291
- Правила для авторов293

CONTENTS

Articles

<i>Melnikova O.M.</i> Historiographical thoughts in connection with the anniversary of Vladimir Fedorovich Gening	6
<i>Goldina R.D.</i> V.F. Gening and research problems of the glyadenovo- pyanoborye times in the Cis-Urals region	26
<i>Chernykh E.M.</i> On the dwellings of the Glyadenovskaya culture and some aspects of adaptation to natural conditions and features of economic activities by the ancient Permians (back to V.F. Gening's researches during the middle of XX century)	46
<i>Zhuravleva G.N.</i> Preliminary results of the Nyrgyndinsky II cemetery researches according to Gening's excavations	69
<i>Leshchinskaya N.A.</i> «Sacrificial sets» of the Pyanoborye burial grounds in the Vyatka river basin	92
<i>Ostanina T.I.</i> Evolution of V.F. Gening's views and other researcher's ones on the Mazuninskaya culture	114
<i>Rudenko K.A.</i> V.F. Gening and issues on the archaeology of Volga Bulgaria	136
<i>Shutova N.I.</i> Archaeological-ethnological researches in Udmurtia	149
<i>Ovchinnikova B.B.</i> Isker – Kuchum fortified settlement (archaeological research of 1968)	166
<i>Makarov L.D.</i> V.F. Gening and Russian archaeological sites in the Vyatka river region	194
<i>Smagulov E.A.</i> Bronze amulet from Sidak	206
<i>Vladimirov G.V.</i> Question mark shaped earrings from Danube Bulgaria (the XIII–XIV cc.): origin and area of spread	223
<i>Isakov R.V., Afon'kov N.N., Arkhangelsky M.S., Pavlenko Ju.A., Sheremet'ev A.G.</i> Concerning the issue on attribution of the Golden Horde placues from the mound ground the Malyaevka-V	233

Archaeology and Natural Sciences

<i>Koloda V.V., Chendev Yu.G., Borbukova D.A., Dudin D.I.</i> Evolution of soils and natural environment in the south area of the east european forest-steppe (on example investigation of the hill-forts located in Kharkov oblast)	247
--	-----

Critique and Bibliography

Bogachev A.V. Review of the book:

Goldina R.D. The Nevolino cemetery of the VII–IX cc.
in the Perm Cis-Urals region. Proceedings and researches
of the Kama-Vyatka archaeological expedition.

Izhevsk, 2012, vol. 21, 472 p., ill.268

Chronicle

Sitdikov A.G., Shakirov Z.G. Research activity by National Center
of Archaeological studies of Institute of History of

Tatarstan Academy of Sciences in 2013275

*Khuzin F.Sh., Sitdikov A.G., Aydarova G.N.,
Zabirova F.M., Nugmanova G.G., Khabibulin M.M.*

In memory of S.S. Aydarov (1928–2014)284

Kazakov E.P., Izmaylov I.L.

Ravil Gabdrakhmanovich Fakhрутdinov (1937–2014)287

List of abbreviations291

Rules for authors293

УДК 902

**В.Ф. ГЕНИНГ И ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ
ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ**

© 2014 г. К.А. Руденко

В статье рассматривается вклад В.Ф. Генинга в исследования Волжской Булгарии и его взгляды на проблемы истории и археологии этого государства. В сферу его интересов входила прежде всего связь населения Волжской Булгарии с племенами предшествующих культур – пьяноборской и именьковской. В.Ф. Генинг исследовал Большетарханский, Тураевский и Рождественский могильники VIII–IX, V и VI–VII вв. н.э., материалы которых изменили представление о времени и характере прихода булгар на Волгу. Им была пересмотрена хронология и интерпретация археологических памятников, относящихся к эпохе, предшествующей появлению булгар на Волге, и выдвинута гипотеза о волжских булгарах как тюрко-угорском этносе. В.Ф. Генинг создал периодизацию истории болгар в Восточной Европе с I–III вв. н.э. до начала XIII в.

Ключевые слова: археология, Поволжье, Приуралье, раннее средневековье, булгары, гунны, сарматы, тюрки, финно-угры, готы, этногенез.

В творческом наследии В.Ф. Генинга тема Волжской Булгарии не является основной, но тем не менее его исследования в этой области оказались весьма значимыми. Можно предположить, что начальный интерес к ней был обусловлен в определенной мере историографической традицией. Еще в начале 1930-х годов считалось, что в истории Урала булгары сыграли очень важную роль. Их считали тюрками, как и гуннов, пришедшими в Волго-Камье в V в. н.э. Волжские булгары представлялись как «хорошо вооруженная и организованная орда», которая «стояла на голову выше туземных финских и угорских племен, преемников полубронзовой пьяноборско-уфимской культуры» которая завоевала их после непродолжительной борьбы, а впоследствии «впиталась» в них (Берс, 1930, с. 86). Отмечалось, что булгары, обосновавшись в Волго-Камье вплоть до X в. оставались кочевниками, точнее их элита, кото-

рая возглавила покоренные финно-угорские племена. Земледелие было «уделом поработанных племен и беднейших слоев пришлого населения» (Берс, 1930, с. 87). Утверждалось, что после X в. булгары стали торгово-промышленным народом, «изнеженным и не воинственным», которые растеряв за столетия боевой кочевой дух, пали под ударами монгол (Берс, 1930, с. 93).

Если не касаться ярких эмоциональных оценок, то сам по себе «торговый характер булгар» был обозначен в работах ряда казанских историков еще в середине 1920-х – начале 1930-х годов (напр., Н.Н. Фирсов), что вероятно и явилось источником такого рода высказываний. Этот взгляд был наследием предшествующего времени, когда о болгарской культуре судили в основном по находкам на крупнейших болгарских городищах, обращая в большей степени внимание на привозные и необычные изделия. Даже начавши-

еся в начале 1930-х годов профессиональные раскопки А.П.Смирновым городища Сувар сначала общей картины в видении болгарской культуры не изменили.

Самым сложным и запутанным оказался вопрос о том, когда собственно болгары пришли на Волгу. Сообщений письменных источников об этих событиях не сохранилось, и получалось, что болгары как бы сами собой появились на Волге в промежутке III–X вв., пока их здесь не застал Ибн Фадлан. С чем это было связано и когда случилось по косвенным данным имеющихся в разных исторических сочинениях установить нельзя и сейчас. Многие историки предполагали, что это произошло в VII в. н.э. когда орда Аспаруха пришла на Дунай. В этом контексте вопрос о появлении болгар на Волге был тесно связан с этнической идентификацией болгар: славяне, гунны, угры, финны, тюрки, сарматы и т.д., что было еще более сложным делом.

Трудность была и в том, что до середины XX века не были известны и археологические свидетельства этих событий, и даже что считать собственно болгарским в археологическом материале тоже было не очень ясно. Это отмечали в начале 1920-х гг. Н.Ф.Высоцкий и В.Ф.Смолин.

Исследования археологических памятников в Волго-Камье в 1930–1940-х годах позволили выдвинуть гипотезу, что коренными насельниками здесь были племена городищ «рогожной керамики» (городецкие) и пьяноборские, проживавшие на этой территории с конца бронзового и раннего железного века (Смирнов, 1952, с. 110). В III–IV вв. в пограничье леса и степи на них оказали влияние гунны

и сарматы, а в V–VI вв. (либо в VI–VII вв.) часть их в низовьях Камы и на Средней Волге была завоевана болгарами, которые впоследствии частично растворились в этом субстрате, частью ассимилировали местное население. В любом случае, считалось, что памятники местного населения продолжали существовать и в болгарскую эпоху. Основной проблемой этой концепции было отсутствие исследованных археологических памятников, подтверждавших высказанное мнение. Доказательством его чаще всего были косвенные данные или логические построения и предположения. Так, о сарматском (булгаро-аланском) элементе в болгарской культуре судили в основном по находкам зооморфных ручек от керамических болгарских сосудов XI–XIII вв.

Начав заниматься пьяноборской культурой в 1950-х годах В.Ф.Генинг должен был решить несколько принципиальных вопросов: имеют ли ранние болгары непосредственное отношение к этой культуре, когда болгары появились в Предуралье и какова была их роль в этногенезе народов региона.

К тому времени изучением пьяноборской эпохи активно занимался А.П. Смирнов (рис. 1), сформулировавший свою гипотезу в конце 1940-х – начале 1950-х годов и выделивший несколько хронологических стадий (этапов) развития этой культуры (Смирнов, 1952, с. 68–110). Эта тема звучала и в других работах ученого 1950-х годов (Смирнов, 1957, с. 20–30). По его мнению, поздний этап пьяноборской культуры (III–V вв. н.э.) характеризовался «смешанностью этнического состава», особенно в бассейне Ветлуги и восточных районов Марийского

Рис. 1. А.П. Смирнов. 1960-е годы
(личный архив Н.Д. Аксеновой)

края, где в этот период ощущалось подавляющее влияние дьяковской и городецкой культур. Население Нижней Камы (до р. Белой), по его мнению, находилось под воздействием сармат, а на Средней Каме – угров (Смирнов, 1957, с. 26–27).

В.Ф. Генинг считал, что пьяноборская культура – это «культура постоянного племенного союза с концентрацией населения в сравнительно небольшом районе на Каме у устья Белой» (Генинг, 1966, с. 285). Эта точка зрения шла вразрез с традиционными взглядами на пьяноборскую культуру как общность, занимавшую все Прикамье и частично Марийское Поволжье (Смирнов, 1952, с. 69; Генинг, 1959, с. 174). В этой связи в числе прочих тем, В.Ф. Генинг затронул вопрос о сарматском влиянии в первых веках н.э. в Прикамье, о чем писал А.П. Смирнов (1952, с. 79, 82), причем в этой части научной концепции его поддерживал Н.Ф. Калинин, научный руководитель В.Ф. Генинга. В.Ф. Генинг считал эту точку зрения

А.П. Смирнова необоснованной, однако весомых аргументов против доказательств оппонента представить не мог (Генинг, 1959, с. 177).

Стоит отметить, что А.П. Смирнов рассматривал сарматское влияние в начале I тыс. н.э. как определяющее для культур Волго-Камья (Смирнов, 1957 а, с. 5), связывая с сарматами, точнее сарматами, смешанными с гуннами собственно и ранних болгар на Волге (Смирнов, 1951, с. 19–20; 1957, с. 7), которые, по его мнению, появились здесь в VI–VII вв. и покорили местные племена, затем ассимилировались с ними, «внеся с собой новые сармато-гуннские черты» (Смирнов, 1948, с. 17).

В работах конца 1940-х годов А.П. Смирнов отмечал, что в III в. н.э. в Причерноморье существовал гото-сарматский союз, который, вел достаточно агрессивную политику в Причерноморье, на юге Европы. По его мнению, гото-сарматы в это время доходили и до Средней Волги, хотя убедительных аргументов А.П. Смирнов не привел (Смирнов, 1948, с. 16–17). Чуть позже он скорректировал свою точку зрения, убрав готский элемент из этой связки, и оставил лишь суждение о том, что готский союз стимулировал создание других союзов, в том числе и болгарского в Приазовье. В конце 1950-х годов он считал, что этот союз сложился в последних десятилетиях V в., а в VI в. известен по письменным сообщениям как «Великая Болгария» (Смирнов, 1957а, с. 11). Во второй половине 1950-х годов, учитывая новые исследования могильников раннеболгарского времени – Кайбельского и Большетарханского, он пересмотрел время появления болгар на Волге и отнес его к VIII в. н.э. (ранее

он предполагал, что это произошло в IV–V вв.) (Смирнов, 1957а, с. 12). При этом для него предшествующее «смешение древних обитателей приволжских степей сарматов с гуннами» являлось несомненным фактом (Смирнов, 1951, с. 19).

К почти аналогичному выводу о роли гуннов для населения Прикамья, в частности пьяноборской культуры, пришел В.Ф. Генинг (Генинг, 1959, с. 163–166). Он считал, что переломным для нее был III в. н.э. как вследствие гуннского нашествия. Это наблюдение оказалось весьма знаменательным, поскольку стало основой его гипотезы о миграции части пьяноборских племен на запад по правому берегу Камы, параллельном движении еще одного потока населения, которое он связал с памятниками именьковской культуры, ранее названной Н.Ф. Калининым буртаской, а А.П. Смирновым – позднегородецкой (Генинг, 1959, с. 208–210) (рис. 2). Основанием для этого стали раскопки Рождественского комплекса памятников в 1956–1958 гг. в Лаишевском районе ТАССР (Генинг и др., 1962) (рис. 3; 4).

Выделение в Среднем Поволжье особой культуры, при этом пришедшей, в противовес «местной» позднегородецкой (буртаской) культуре, привело и к формированию новой концепции, развитой и обоснованной уже не В.Ф.Генингом, а А.Х.Халиковым и его учеником П.Н.Старостиным (1971, с. 37–54). Суть ее заключалась в том, что, по их мнению, именьковская культура (III–IV – VII–VIII вв. н.э.) принадлежала тюркоязычному (или самодийско-угорско-тюркскому) населению из Зауралья и никаким образом не поволжским финнам (Хали-

ков, 1971, с. 8–11). Завершением идеи стала гипотеза о том, что решающим фактором, изменившим этнокультурную ситуацию в Волго-Камье стало образование Тюркских каганатов в VI в. н.э. и как следствие – добулгарская тюркизация Поволжья. Эта гипотеза, по сути, в тот период завершила пересмотр сармато-аланской гипотезы А.П. Смирнова и его булгарской концепции в целом. На формирование концепции А.Х. Халикова, возможно, оказали влияние взгляды Л.Н. Гумилева, начавшего в начале 1960-х годов публиковать материалы по истории тюрков (Гумилев, 1961), и подготовившего в эти годы монографическое исследование этой темы, которое увидело свет через шесть лет после написания, в 1967 г. (Гумилев, 1967).

В конце 1950-х годов В.Ф. Генинг считал, что «именьковские племена, судя по многочисленности и огромным размерам их поселений, составили основную массу населения Волжской Булгарии» (Генинг, 1959, с. 210). Эта точка зрения не шла в разрез с мнением предшественников, в частности, того же А.П. Смирнова, который за десять лет до этого утверждал, что «ко времени образования Булгарского царства в X в., этот край был в основном земледельческим», имея в виду потомков населения «городищ с рогожной керамикой» (Смирнов, 1948, с. 18), позже причисленных им к позднегородецкой культуре. Аналогичные взгляды были высказаны и Н.Ф. Калининым – одним из авторов «Истории ТАССР», в разделе, посвященном предбулгарскому времени (История, 1951, с. 56–57). Синхронность позднегородецких и булгарских городищ постулировалась А.П. Смирновым на материалах поселений Самарской

Рис. 2. Именьковское городище. Фото К.А. Руденко. 1995 г.

Рис. 3. Место Рождественского городища. Фото К.А. Руденко. 1995 г.

Луки, исследованных В.В. Гольмстен (Смирнов, 1951, с. 15). Позже А.П. Смирнов отказался от этой версии, высказавшись за то, что верхним рубежом городецкой культуры является VIII в. – приход болгар на Волгу,

подкрепляя это материалами раскопок Балымерского городища (Смирнов, 1957а, с. 15).

Очевидно, что тема ранней Волжской Булгарии становилась следующей, которая завершила бы исследо-

Рис. 4. Рождественское селище. Фото К.А. Руденко. 1995 г.

вательскую парадигму В.Ф. Генинга. Однако этого не произошло. Связующее звено в виде именьковской АК в этой непрерывной цепочке развития археологических культур Волго-Камья было из изъято, поскольку В.Ф. Генинг пересмотрел свою точку зрения о вхождении местного (добулгарского) населения (именьковцев) в состав булгарского государства.

В общем виде проблема ранних болгар была им сформулирована сразу после исследований Большеатарханского и Тураевского могильников в 1960 г. В отчете за 1961 г. он писал, что появление болгар произошло в VII – начале VIII в. в результате одновременного переселения «чрезвычайно крупной группировки племен», одновременно из одного района вместе с дунайскими и придонскими болгарами, причем на протяжении более ста лет болгары жили «весьма обосо-

бленно от местного населения». С небольшими уточнениями эти выводы были им изложены спустя несколько лет в совместной с А.Х. Халиковым монографии (Генинг, Халиков, 1964) (рис. 5).

Сославшись на то, что А.П. Смирнов не имел в распоряжении археологических материалов ранее X в., авторы сделали вывод, что концепция ученого всего лишь научная гипотеза (Генинг, Халиков, 1964, с. 102). Предпринятый затем обширный экскурс в историю болгар (подготовленный В.Ф. Генингом), построенный на сообщениях письменных источников в основном по исследованию М.И. Артамонова (Артамонов, 1962) и Н.Я. Мерперта (Мерперт, 1957) был призван обосновать историческое время прихода болгар на Среднюю Волгу, несмотря на то, что прямых указаний на этот факт в источниках не было.

Следующий раздел был посвящен анализу новых археологических материалов VIII–IX вв. через призму определения этнического состава. При этом, ссылаясь на мнение С.А. Плетневой, В.Ф. Генинг рассматривает южную группу памятников салтово-маяцкой культуры как праболгарскую (Генинг, Халиков, 1964, с. 119–120), отмечая, что абсолютно идентичного или даже просто очень близкого памятника к Большетарханскому могильнику в древностях этого региона не было обнаружено, а имеющиеся сходные черты связаны с территориальной близостью и тесными контактами населения в рамках Великой Болгарии. Такая ситуация, считал В.Ф. Генинг, связана с культурными отличиями и с различным происхождением этих племен. Более того, очевидные различия между Танкеевским, Большетарханским, Кайбельским могильниками он объяснял пестротой этнического состава болгар на Волге (Генинг, Халиков, 1964, с. 129, 130, 131).

Касаясь специфических черт погребального обряда волжских болгар, не встречающихся у болгар Подонья и Приазовья (что противоречило тезису о предшествующем единстве болгар до миграции их на Волгу и Дунай), он объяснял это тем, что они связаны с традициями населения восточных районов Восточного и Центрального Казахстана и южных лесостепных районов Западной Сибири и Зауралья эпохи раннего железного века (Генинг, Халиков, 1964, с. 139), то есть другим этническим компонентом. Несмотря на то что памятники этих регионов были изучены еще недостаточно, В.Ф. Генинг считал возможным связать круглодонную посуду Большетарханского могильника с угорским этно-

сом, памятники которых локализовались в указанных районах Западной Сибири и Зауралья (Генинг, Халиков, 1964, с. 139, 145). Идеи об угорском компоненте в культуре ранних болгар по материалам могильников, а затем и поселений были впоследствии развиты Е.П.Казаковым (рис. 6). Некоторые сосуды Танкеевского могильника В.Ф. Генингом были сопоставлены со средневековой финской (древнеудмуртской) керамикой (могильник Мыдлань-Шай).

Новую идею В.Ф. Генинга о том, что именковские и болгарские племена не контактировали между собой, но поддерживали тесные связи с древней мордвой (от гипотезы что именковцы вошли в состав болгарского государства он в начале 1960-х гг. отказался), обосновал А.Х. Халиков (Генинг, Халиков, 1964, с. 153, 159) (рис. 7).

Таким образом, В.Ф. Генингом и А.Х. Халиковым была, по сути, выдвинута новая гипотеза развития археологических культур Волго-Камья в начале болгарской эпохи. Она строилась на только что полученных материалах, которые к тому времени лишь предварительно могли быть вписаны в общий археологический контекст эпохи и в силу этого требовали дальнейшей разработки и корректировки. Какая-то часть взглядов ученых выдержала испытание временем, часть была скорректирована, а часть не подтвердилась появившимися новыми источниками.

К болгарской теме В.Ф. Генинг вернулся спустя более чем 25 лет (Генинг, 1989), в какой-то степени подводя итог своих изысканий в области болгаристики. Правда, аспект проблемы, который в этот раз заинтересовал исследователя, был уже иной. Он ста-

Рис. 5. В.Ф. Генинг (справа) и А.Х. Халиков изучают материалы Большеетарханского могильника. Начало 1960-х гг. (личный архив Н.А. Халикова)

Рис. 6. Е.П. Казаков изучает керамику Танкеевского могильника. 1960-е годы (НФ МА РТ)

Рис. 7. А.Х. Халиков. Конец 1950-х годов (личный архив Н.А. Халикова)

вил своей задачей, с одной стороны, изучить исторические трансформации этнических общностей на примере болгар и, с другой стороны, апробировать методику социологической интерпретации археологических источников как некую закономерность этнических процессов «детерминированного общественно-экономическим развитием в эпоху племенного строя» и построения «конкретных концепций этнической истории отдельных народов» (Генинг, 1989, с. 4). Следуя методологии исторического материализма, он считал, что в первую очередь

следует рассматривать экономические факторы развития и как производные – этнические, различая при этом понятия народ и этнос (народ как социально-исторический организм, а этнос – как частное его выражение). Отметим, что определение этничности, данное В.Ф. Генингом, не потеряло своей актуальности и по сей день (Генинг, 1989, с. 5).

Вместе с тем, описывая свою модель развития социальных отношений, он явно абстрагируется от того факта, что кочевое общество развивается по несколько иным законам, нежели земледельческое (Плетнева, 1982), избирая и анализируя только отдельные аспекты этого процесса. Это, правда, не является столь принципиальным для автора, по-

скольку он рассматривает проблему как переход от первобытного общества к классовому в целом, делая акцент на археологическое выражение этих формационных моментов. С этим оказалось сложнее, поскольку имевшиеся в распоряжении ученого материалы, несмотря на многолетние исследования, сводились, в сущности, к тем основным положениям, что были определены еще в начале 1960-х годов и как вывод: основные признаки болгарского погребального обряда не являются специфически болгарскими (Генинг, 1989, с. 8).

Однако в этой работе особо ценным представляется предложенная

периодизация болгарской истории, особенно в ситуации терминологической путаницы в современной литературе о болгарях. В.Ф. Генинг выделяет 1) протоболгарский этап (с древнейших времен до I–III вв. н.э.), 2) праболгарский (IV–VI вв. н.э.); 3) болгарский (VII в. н.э.); 4) постболгарский этап (после 70-х годов VII в.), в котором он рассматривает историю дунайско-болгарского народа (681–1081 гг.); среднедунайско-болгарского народа (670–791 гг.); волжско-болгарского народа (конец VII – начало XIII в.); донецко-болгарского народа (VII–IX вв.); кавказско-болгарского народа (?). Вывод ученого достаточно своеобразен: он считал, что «говорить о болгарском этногенезе не приходится», вместо этого необходимо вести исследования на выявление археолого-этнографических специфических черт болгарских народов отдельных этапов, определении этнического субстрата, участвовавшего в их формировании и тех образований, в которых болгары сами выступали в качестве субстрата (Генинг, 1989, с. 14). При этом характеристика 1–4 этапов, по сути, является гипотетической, поскольку основана на общеисторическом контексте, как отмечал и сам автор, не подкрепленном в большинстве случаев материалами конкретных археологических памятников.

Если подвести итог того, что внес В.Ф. Генинг в болгаристику, то можно констатировать, что исследования В.Ф. Генинга, прежде всего раскопки памятников V–IX вв. в казанский период его жизни и деятельности – Большетарханского, Тураевского, Рождественского могильников и Рождественского селища, – позволили четко определить время появления

болгар на Средней Волге – середина VIII в. н.э., внести ясность в разноречивой мнений по этому поводу в предшествующий период. Они позволили установить многокомпонентный состав населения ранней Волжской Булгарии, а также отделить элементы болгарской материальной культуры от древностей иных эпох и культур, например, пьяноборской (азелинской). Выделение им именьковской культуры предбулгарского времени открыло сложную тему взаимодействия пришельцев-булгар и местного (добулгарского) населения, которая дискутируется по сей день. В этом отношении В.Ф. Генингу принадлежит идея об отсутствии контактов ранних булгар и именьковцев, которая и сейчас имеет своих сторонников, хотя взгляд на именьковскую культуру за более чем 50 лет ее изучения существенно изменился.

В.Ф. Генинг создал гипотезу о волжских булгарах как тюрко-угорском этносе (в широком смысле), сочтя не обоснованной версию А.П. Смирнова о булгарах как аланосарматах, впрочем, так же критически отнесясь вообще к идее сарматского влияния на население Прикамье в первой половине I тыс. н.э. в целом. Эта часть концепции В.Ф. Генинга была опровергнута последующими исследованиями, появились факты, заставляющие тщательнее относиться и к вопросу о постсарматском влиянии на культуру ранних булгар. В.Ф. Генингу впервые удалось сформулировать гипотезу о раннеболгарском периоде и его специфике; поставить вопрос о методике изучения истории булгар и контексте социально-экономической парадигмы советской исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М.И.* История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 522 с.
2. *Берс А.А.* Прошлое Урала. С древнейших времен до русской колонизации. – М.: Изд-во «Работник просвещения», 1930. – 132 с.
3. *Генинг В.Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР. Серия гуманитар. наук. – Вып. 2. – Казань, 1959. – С. 157–219.
4. *Генинг В.Ф.* По поводу рецензии А.П. Смирнова // СА. – 1966. – № 3. – С. 282–288.
5. *Генинг В.Ф.* Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989. – С. 4–15.
6. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 200 с.
7. *Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валева Р.К.* Археологические памятники у с. Рождествено. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1962. – 126 с.
8. *Гумилев Л.Н.* Орды и племена у древних тюрок и уйгуров // Материалы по этнографии ВГО. – № 1. – Л., 1961. – С. 19–20.
9. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 504 с.
10. История Татарской АССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Т. I. – Казань: Татгосиздат, 1951. – 660 с.
11. *Мельникова О.М.* Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 9. – Ижевск, 2003. – 194 с.
12. *Мерперт Н.Я.* К вопросу о древнейших болгарских племенах. – Казань: Гос. музей ТАССР, 1957. – 37 с.
13. *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М.: Наука, 1982. – 188 с.
14. *Смирнов А.П.* Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания). – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. – 82 с.
15. *Смирнов А.П.* Волжские булгары / Тр. ГИМ. – Вып. XIX. – М., 1951. – 275 с.
16. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – № 28. – М., 1952. – 276 с.
17. *Смирнов А.П.* Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии // СА. – 1957. – № 3. – С. 20–30.
18. *Смирнов А.П.* Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. – Казань: Гос. музей ТАССР, 1957а. – 36 с.
19. *Старостин П.Н.* Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 37–54.
20. *Халиков А.Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 7–36.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук; профессор Казанского государственного университета культуры и искусств (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru.

**V. F. GENING AND ISSUES ON THE ARCHAEOLOGY
OF VOLGA BULGARIA**

K.A. Rudenko

V. F. Gening's contribution to the study of the Volga Bulgaria and his views concerning the history and archaeology of this state formation are considered in the article. His sphere of interest first of all included the links between the Volga Bulgaria population and the tribes belonging to preceding cultures, such as Pyanoborye and Imenkovo ones. V.F. Gening investigated the Bolshie Tarkhany, Turaevo and Rozdestveno burial grounds dated by the 8–9th, 5th and 6–7th centuries A.D., and the materials collected modified the notion of the time and character of the Bulgars arrival in the Volga area. He reconsidered the chronology and interpretation of the archaeological monuments, which referred to the epoch preceding the Bulgars appearance on the Volga, and proposed a hypothesis of the Volga Bulgars as a Turkic-Ugrian ethnos. V. F. Gening created a periodization of the Bolgars history in Eastern Europe within the time span between 1st-3rd centuries AD and the early 13th century AD.

Keywords: the Volga River region, the Urals region, the early Middle Ages, the Bulgars, the Huns, the Sarmatians, the ancient Turks, the Finno-Ugrians, the Goths, ethnogenesis.

REFERENCES

1. Artamonov, M. I. 1962. *Istoriia khazar (The Khazar History)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
2. Bers, A. A. 1930. *Proshloe Urala. S drevneishikh vremen do russkoi kolonizatsii (The Urals Past: from the Earliest Times to the Russian Colonisation)*. Moscow: "Rabotnik prosveshcheniia" Publ. (in Russian).
3. Gening, V. F. 1959. In *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya gumanitarnykh nauk (Proceedings of the Kazan Branch, Academy of Sciences of the USSR. Humanities Series)* 2. Kazan, 157–219 (in Russian).
4. Gening, V. F. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 282–288 (in Russian).
5. Gening, V. F. 1989. In *Rannie bolgary v Vostochnoi Evrope (Early Bulgars in Eastern Europe)*. Kazan, 4–15 (in Russian).
6. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Gening, V. F., Stoianov, V. E., Khlebnikova, T. A., Vainer, I. S., Kazakov, E. P., Valeev, R. K. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u sela Rozhdestveno (Archaeological Sites near the Rozhdestveno Village)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
8. Gumilev, L. N. 1961. In *Materialy po etnografii VGO (Materials on Ethnography of the All-Union Geographic Society)* 1. Leningrad, 19–20 (in Russian).
9. Gumilev, L. N. 1967. *Drevnie tiurki (Ancient Turkic People)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

10. *Istoriia Tatarskoi ASSR (History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic)*. Vol. I. *S drevneishikh vremen do Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii (From the Earliest Past to the Great October Socialist Revolution)*. 1951. Kazan: "Tatgosizdat" Publ. (in Russian).

11. Mel'nikova, O. M. 2003. *Sverdlovskaiia nauchnaia arkheologicheskaiia shkola V. F. Geninga (1960–1974 gg.) (The Sverdlovsk Scientific Archaeological School of V. F. Gening: 1960–1974)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 9. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

12. Merpert, N. Ya. 1957. *K voprosu o drevneishikh bolgarskikh plemenakh (To the Issue of the Earliest Bulgar Tribes)*. Kazan: State Museum of the Tatar ASSR (in Russian).

13. Pletneva, S. A. 1982. *Kochevniki Srednevekov'ia. Poiski istoricheskikh zakonmernostei (Nomads of Middle Ages. Looking for Historical Patterns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

14. Smirnov, A. P. 1948. *Drevniaia istoriia chuvashskogo naroda (do mongol'skogo zavoevaniia) (Early History of the Chuvash People: before the Mongol Conquest)*. Cheboksary: "Chuvashgosizdat" Publ. (in Russian).

15. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: *Proceedings of the State Historical Museum XIX*. Moscow (in Russian).

16. Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Prikam'ia (Essays on the Ancient and Medieval History of the Middle Volga-Kama Rivers Region Peoples)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 28. Moscow (in Russian).

17. Smirnov, A. P. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 20–30 (in Russian).

18. Smirnov, A. P. 1957. *Nekotorye voprosy srednevekovoi istorii Povolzh'ia (Some Problems of the Medieval History of the Volga River Area)*. Kazan: State Museum of the Tatar ASSR (in Russian).

19. Starostin, P. N. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region)*. Series: *Archaeology and Ethnography of Tataria 1*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 37–54 (in Russian).

20. Khalikov, A. Kh. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region)*. Series: *Archaeology and Ethnography of Tataria 1*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 7–36 (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Kazan State University of Culture and Arts. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru